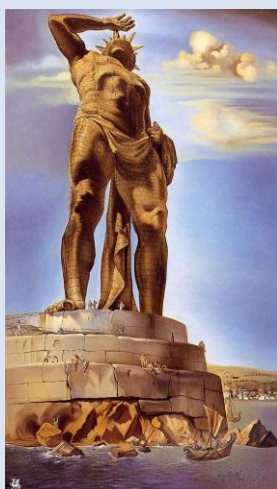

*Александр Неклесса**

НАСТАЮЩЕЕ НАСТОЯЩЕЕ

- Вам Бог на-помочь! Мир волна. Мир золотая гора.
- В мире, что в море. В мире, что в омуте. На что мир ни зинет, то и гинет.
Словарь Даля (коллаж из примеров употребления слова «мир»)

Nec plus ultra
Надпись на памятнике Колумбу, но лапа льва прикрывает первое слово

ГЛОБАЛЬНЫЙ ПЕРЕВОРОТ

Надо сделать так, чтобы максимум людей могли совершить
резкий скачок в понимании действительности
Аурелио Печчеи

Сегодня эпоха, предъявившая миру экспансию городской культуры и адекватные ей политические, экономические форматы, близка к завершению.

Города, заселив планету, умножаются в числе; расплзаясь по планете мегаполисами, они переживают разнообразные мутации, обращаясь в хабы и терминалы многомерного метаполиса. Национальные государства утрачивают актуальность, их суверенность изменяется под влиянием глокализации, субсидиарности и новых формул политического единения. Прагматичный же консенсус былого и будущего – региональные интегрии, по-своему перемалывают состояния и границы прежних сообществ.

Страны – это люди. Количество жителей Земли прирастало за век миллиардами, эффективные коммуникации, транспорт, изоощренный технический инструментарий резко повысили интенсивность взаимодействия и результативность процедур. На трансграничной

* © 2012, Александр Неклесса

земле переселяются народы, творится смещение цивилизаций, ведется чреватый конфликтами диалог культур и мировоззрений. Наряду с прежней феноменологией возникают общества, выстраиваемые по экзотичным лекалам, характерные черты которых: примат культурной гравитации, потоковая социальность, распределенная множественность...

Как мыслить настоящее настоящее: рефлекторно реагировать на перемены? Воспринимать ли их как смертельную угрозу стабильности? Стремиться удержать прежний смысловой и социальный порядок, апеллируя к прошлому как идеалу? Активно представлять будущее как собственную версию иного?

Ориентация в нелинейных дефинициях энергийного социокосмоса предполагает опознание его организующих начал, создание гибких прописей знания/действия на языке актуальной бесконечности, включая готовность к радикальным переменам и неожиданным приобретениям/потерям. Мировоззренческие галактики предопределяют своеобразие координат практики, аранжируют геометрию интеллектуальных пространств, диктуют права и правила – гармоник, в соответствии с которыми создаются политические и экономические оболочки. Социокультурная гравитация, притягивая либо отторгая народы, концентрирует миростроительными идеалами протееобразные туманности, фактическое тело которых сопresentствует в схожих, но порой и в различных мирах.

Иначе говоря, культурная среда высокой организации, наличие оригинальной музыки сфер – императив осознанного и значимого присутствия в новой зоне, а проблема идентичности – одна из центральных в расширяющейся человеческой вселенной.

ЗНАНИЕ И ДЕЙСТВИЕ

Действовать – значит решаться думать иначе,
нежели думал прежде
Мишель Фуко

Мы живем в мире, степень субъективной неопределенности которого заметно возрастает. В конце XX века глобальный театр операций, скорость, масштаб перемен, повышение рисков предопределили обновление методологии познания и действия, пересмотр процедур принятия/реализации решений.

Чем больше действий мы совокупно совершаем, чем больше познаем, тем обширней сфера соприкосновения с неведомым. Усложнение организации предполагает рост технологической неопределенности – снижение надежности компонентов техносферы: закономерности чаще проявляются как статистический параметр, в технических и социальных сетях фиксируется феноменология «странных процессов». И по мере умножения проблем, сокращения времени на их осмысление и реагирование политическая, деловая практика раз за разом ставят перед ЛПР (СЕО) дьявольские альтернативы. Естественно, возрастают нагрузки на интеллект, психику, физиологию. При усложнении контроля над ситуацией повышается значение креативности, способности *ad hoc* опознавать и постигать скоростно нестандартных обстоятельств, поддерживать активный интеллектуальный, творческий статус.

Homo sapiens способен принимать верные решения на основе несовершенных, противоречивых, заведомо неполных данных. Однако длительное время мысля и действуя в

соответствии с постулатами линейной логики, обитая в пределах механистичной модели реальности (корни чего уходят к эпохе Просвещения и глубже – к древнегреческим истокам, аристотелизму), мы оцениваем возможности собственного естества по прописям культурного эталона, основа которого – *обобщениеⁱ*, нисходящее на практике до *стандарта*.

* * *

Существуют различные способы организации знания. Категориальный (философский) подход был реализован в Древней Греции, где вещи и функции (роли) обрели статус понятий, категорий («руль», «рулевой» превратился в искусство управления – κυβερνητική, крепежная скоба мачты – в ἄρμονία как эстетическую категорию и т.п.). В Элладе фактически присутствовали два облака знания: «старое/божественное» и «новое/философское». Внутренняя же организация (линейка) знания зависела от предмета исследования/применения: *бытие – человечество – изделия*.

В «старом» знании первый сегмент был доменом *мистики* (а «предметами» – мифология/музыка/гармония/эстетика), в «новом» – *теории* (предметами же являлись философия/математика/астрономия/физика). Второй ареал – знание о человеческих намерениях, действиях и последствиях, в доклассической организации знания он был представлен *фронесисом* (житейской мудростью), предметную же сферу составляли литургика и поэтика (драма); в новом знании – это *практика*, предметами которой являлись этика и политика. Наконец третий, комплексный круг знания охватывал *культивацию* мира и человека (в древнем изводе – чтимое земледелие, имевшее глубокие сакральные корниⁱⁱ). А также искусства, обретенные от божественного огня – умения свободных людей, и обобщение опыта механических профессий, которыми могли заниматься и подневольные люди: т.е. технэ как мастерство. В утилитарной сфере оказалось знание о трансляции знания: частном и публичном.

В средневековой Европе возникает разделение знания на основе принципиально иного мировоззренческого подхода: христианского взгляда на принципы бытия, как явления, выходящего за пределы человеческой логики, а потому не умопостигаемого, но требующего познания законов, установленных Творцом, через непредвзятое исследование его творений. Другими словами формируется понимание *естественных наук* как основы объективного суждения (а не наоборот), предполагающих экспериментальное исследование объектов, существующих независимо от человека (верификация гипотез). Базовые постулаты подобного подхода – контекстуальность, «бритва Оккама», воспроизводимость эксперимента. Гуманитарное же знание, включая социальное, и сфера математики, т.е. дисциплин исследующих дела людей, творения их ума, рук, сердец, постулирующих и умозрительно развивающих семантику постижения, являются *дисциплинированными* (отвечающими определенным требованиям) *рассуждениями*, сферой свободных искусств.

В зависимости от мировоззренческой позиции и миростроительных устремлений возможна организация знания на иных принципах, к примеру, на основе лишь статистической устойчивости феномена, получаемого по принципу «черного ящика», допускающая избыточность гипотез относительно характера процесса, а при высокой эффективности результата – неустойчивость при воспроизведении и даже относительную уникальность его

достижения. Можно также представить организацию знания и в виде тетраметрицы, описывающей четыре ситуации: рациональное, отчуждаемое от создателя (формальное, дисциплинарное знание); рациональное, неотчуждаемое (экспертиза как персональное искусство); нерациональное, отчуждаемое (объекты художественного творчества); нерациональное и неотчуждаемое (мастерство, манифестацией которого является субъект *сам по себе*).

НЕКЛАССИЧЕСКИЙ ОПЕРАТОР

Не бывает потрясения в стилях музыки
без потрясения важнейших политических законов
Платон

Человек сегодня – органичная часть управленческой механики, исполняя ту или иную функцию, он инструментален. Подобная его «объектность», подвергаясь долгое время своего рода индустриализации, содействовала обезличиванию и отчуждению. Но будучи по природе не объектами, а субъектами, причем весьма сложными, люди сохранили способность к операциям нестандартного свойства, подчас спонтанным, эффективным и продуктивным.

Анализируя позитивные/негативные обстоятельства умножающихся коллизий, мы не только обретаем недоступный ранее опыт, но можем делать выводы, ведущие к кардинальному изменению процесса принятия и реализации решений. И все же в мире нарастающей мощи машин силы физического человека кажутся пошатнувшимися, его возможности – ограниченными. Обстоятельства же требуют наличия либо выявляют отсутствие уникальных ресурсов, особых человеческих качеств, указывая при этом на возможные альтернативы: киборгизацию, искусственный интеллект или эффективную методологию действий в условиях неопределенности.

Со времени мировых войн методология управления объектами, субъектами, событиями уже претерпела несколько внутривидовых революций, произведя на свет такие регламенты, как исследование операций, системный анализ, системную динамику, теорию высокоадаптивных самоорганизующихся систем. Но сейчас, по-видимому, мы находимся на пороге еще более значимого транзита.

В XX веке произошло не просто усложнение характера операций. Постепенно основным объектом внимания становится не столько *состояние* настоящего либо будущего (отложенное целеполагание), сколько сам *процесс* как практика перемен и возможный статус бытия. Необходимость иметь дело с динамичными, нелинейными, многофакторными ситуациями, зарождающимися на грани турбулентности и хаотизации, предопределила поиск инструментария, соответствующего конституции сложных и сверхсложных организованностей. Развиваются технологии матричного, рефлексивного, точечного, семантического, внешнего управления, исследуются возможности использования критических зон, облачных структур, терминалов, хабов, аттракторов, идеалов etc. Все это ведет, в частности, к переоценке роли антропологического фактора. Человек перестает быть операциональным элементом системы – объектом, функцией, агентом, его сознание, отношения с природой и обществом претерпевают серьезную перестройку.

Кроме того с расширением спектра значимых взаимосвязей открываются новые обстоятельства.

Выясняется, к примеру, что, как и в природных процессах, присутствие индивида в социальном космосе, его намерения нестандартным образом влияют на событийный ряд (феномен «неклассического оператора»). Субстанция бытия, ее состояния, оказывается, связаны с субъектом теснее, нежели представлялось; избранный идеал, смысловой регистр универсальным образом настраивают события, и, что важнее – определяют стратегический горизонт, а также создают режим наибольшего благоприятствования движению в избранном направлении. Или же провоцируют жесткое противодействие со стороны среды. Иначе говоря, действовать «правильно» или «неправильно», причем не только с точки зрения психологии либо морали, но и с позиции, которую можно определить как метафизическая, оказывается помимо прочего серьезной практической, едва ли не прагматичной проблемой.

Взаимодействуя со все более высокими уровнями сложности, постигая и формулируя статус постсекулярности, мы ощущаем соприсутствие сил, законов, конструкций, которые до конца не понимаем, однако пытаемся осмыслить. И будучи практиками, используем (в качестве примера укажу на такие явления, как *synchronicity* и *serendipity*). Подобный подход, позволяющий осознанно и продуктивно действовать в ситуациях серьезной неопределенности, предполагает персонализм, конкретность, а также неотчуждаемость экспертизы/знания от субъекта и даже метафизических обстоятельств.

САМООРГАНИЗУЮЩАЯСЯ КРИТИЧНОСТЬ

...Ощущение возможной реальности следует ставить
выше ощущения реальных возможностей
Роберт Музиль

Кризис взаимоотношений с возрастающей комплексностью технических, биологических, социальных, антропологических систем предвосхищает коллапс управления/контроля, равно как стимулирует грядущий прорыв к радикально иным принципам познания/действия.

Уникальность возникающих ситуаций, их подвижный характер, взаимопроникновение (диссипация), универсальная связность (голографичность), каскадная новизна, нелинейность, значительная степень критичности требуют не просто очередной ревизии привычных алгоритмов действия или даже пересмотра эпистемологического тезауруса, но изменения самого способа освоения калейдоскопичного универсума. Существующий категориальный аппарат и методы конвертации обретаемого знания (подчас прямой его редукции) в силу обнаруживаемых несовершенств все чаще используются, если можно так выразиться, метафорически, препятствуя восприятию новых ферментов и осознанию изменившихся форматов бытия. Особенно заметны подобные изъяны в сфере социальных и гуманитарных дисциплин.

Девальвация дисциплинарного консенсуса предопределила развитие таких методов, как негативная диалектика, самоорганизующаяся критичность, синергийный подход к миропознанию, миростроительству, ко всему пространству операций. И это лишь начало процесса, речь, по-видимому, идет о состязании в преадаптации – параметрах

социокультурнойⁱⁱⁱ и методологической революции, об изменениях в языке и семантике, о генезисе новой рациональности и возможно фундаментальном развороте в умственной практике от катафатических установок к апофатическим. И не в последнюю очередь – об осмыслении самого модуса апофатического мировосприятия, а также о рецептах и сценариях постижения непостижимого, которые формулировались, развивались преимущественно в Византии в среде исихастов. В том числе, о переносе акцента на внекатегориальное опознание/осознание инакостей, когда знание оказывается не фокусировкой обретенного в разное время сообщества аргументов, но узнаванием и познанием: иначе говоря, событием встречи и обладания, т.е. фактом.^{iv}

Наконец, не исключено, что именно апофатическое мировидение и синергийный тип мышления и сознания, способный познавать неординарные идентичности, оперировать в среде беспорядочных иерархий в условиях губительной новизны, могут стать основой следующего поколения интеллектуальных практик, послужив трамплином для витка цивилизационной динамики.

Культура невербального постижения предполагает ориентацию в облачных структурах, особую технику взаимоотношений с иным, усилия и процедуры по удержанию неопределенной комплексности в ее существенных чертах, целостности и полноте. Другими словами, в постсовременном ментальном и практическом обороте востребован специфический опыт взаимодействия с неопознанными и формально неотрефлексированными, телеологическими и теологическими измерениями бытия...

Возникающие в этой связи предположения, пожалуй, можно изложить следующим образом: человек в обстоятельствах принятия сложных, критических решений верно избирает и успешно преследует цели, если при этом он непрерывно беседует с Богом.

ПРИМЕЧАНИЯ

ⁱ Естественные науки явились следствием христианского переосмысления знания как следствия богопознания, реализуемого посредством испытания творения (природы), а не логически обоснованных умопостроений (спекуляций), получивших статус гипотез. Между тем эта революция лишь частично затронула сферу гуманитарного знания, исключив его из сферы объективного знания (здесь данная позиция принадлежит Откровению), ибо предмет его – творения человека, а не Творца. Но одновременно привнесла в него флер сциентизма, наложив неоправданные для рассуждения (дискурса) ограничения, ведущие на практике к редукционизму. Вследствие подобной мимикрии обобщение, обретаемое в результате рассуждения, претендует на статус хотя и транзитной, но *объективной объектности* (de jure), представляя, однако же, на деле (de facto) сумму субъектностей, прошедших семантический фильтр сознания и ассимиляцию. Другими словами, высшие постижения интегрируются с разнообразием общедисциплинарных клише и прагматичных, тактических заблуждений, ибо в гуманитарных дисциплинах отсутствует эксперимент, способный вне сферы людских суждений прояснить, легитимизовать ситуацию, представ факт. Иначе говоря, эксперимент по установлению факта замещается опытом практики, верифицирующим эффективность, и ситуационным консенсусом. Данное препятствие, кажущееся непреодолимым при катафатическом миропостижении, отчасти преодолевается при апофатическом подходе, способным помимо возможностей аналогового мышления использовать потенциал внекатегориального познания.

ⁱⁱ Истоки земледелия коренятся в погребальных обрядах-жертвоприношениях, совершаемых жрецами, в форме приносимых погребаемым в виде лучших, отобранных (селективных) плодов, обильно возвращаемых затем предками в виде богатого урожая, состоящего из элитных сортов.

ⁱⁱⁱ Искусство Нового времени – это не религиозные артефакты и не древнегреческое «технэ», но средство трансляции мировоззрения в социальную и частную среду в том числе как средство поддержания поступательной витальности Модернити, отражавшейся в стремительной по историческим меркам смене стилей. Другими словами искусство проявляет себя в качестве продукта секуляризации как альтернативный источник и инструмент трансляции в общество ценностей и принципов: духовных, социальных, культурных координат. Революции в искусстве – тектоника социополитических потрясений, их фермент, генетика. Нынешний транзит в искусстве сопряжен со своеобразной капитализацией его нематериальной эссенции, т.е. с распространяющимся осознанием и одновременно вульгарной прагматизацией постулата: искусство это не предмет (и тем более не вещь), а событие и воздействие (влияние).

^{iv} «Бытие на разломе» предполагает иную модель параллельного сосуществования или взаимодействия противоположностей, нежели привычное понимание данной ситуации в диалектике. Разрешение ее принадлежит уже не логике и синтезу противоречивых постулатов как действия продлевающего гуманитарную легитимность вербально-ментальной конструкции (ее «второго дыхания») в качестве сложноопределившейся *intelligence (intellegentia)*. И не пробуждающему ментальную витальность ступору парадокса, антиномии или апории как предельных форм семантического апофеоза, т.е. все же оставаясь в рамках «древнегреческой парадигмы» – вербализации категории мысли (при смягчающей инобытие обобщений физической и даже антропологической визуализации речевого строя). Полноценное разрешение кризиса катафатического мировидения происходит лишь на стадии (и за счет) критического и драматического (драматического) включения самого естества мыслящего субъекта как средства удержания экзистенции в процессе осознания мучительного, но по-своему органичного (аподиктического), предродового соприсутствия контртезисов в собственном бытии, а не в обезличенном («обезглавленном»), отчужденном и экстравертированном «теле проблемы».
